Елена Усачева

г. Москва

Это же не страшно

Ветер завывал, рвал небо в куски облаков, и те неслись над головой, пытаясь утянуть за собой Асю. Ветер врывался в уши, забирался в рукава кофты. Ветер отзывался далекими хлопками дверей, вскриком, стуком.

Ася прошла мимо школы и повернула через двор к дороге. Мама ей всегда говорила, чтобы она шла после занятий домой и ни на что не отвлекалась. Она и не отвлекалась. Но впереди были качели. А на них Гарик.

– О! А что я видел! – крикнул Гарик, заметив Асю. – Пошли, покажу.

Ася тут же вспомнила, что мама велела ни на что не отвлекаться, а поскорее бежать. Потому что ветер и скоро дождь – это страшно. Но перед ней был Гарик. Гарик из ее класса, настоящий герой. Разве с ним может быть страшно?

Они с Гариком побежали через площадку, по улице, через перекресток, еще немного по улице, через большую дорогу с трамвайными путями – тут ветер попытался сорвать с Аси кофту, пришлось сильно согнуться, обернуться на Гарика. Он-то как, бежит? Но он смело бежал, выпрямившись и подставив лицо ветру. Кофту с него не сдувало, она была застегнута. Он был очень смелый – Гарик. И на турнике крутился, и по бордюру высокому ходил и даже лягушку в руке держал.

– Смотри!

Они стояли около парка. Он был мрачен и лют. Он гудел и ревел.

«Бум», – сосны, раскачиваясь, тревожно задевали друг друга. Ветер стал резким. Ася снова вспомнила, что мама велела ей непременно быть дома. Но ведь с Гариком не страшно!

Над головой засвистело, заскворчало. Деревья по кромке парка стало гнуть и ломать, полетели ветки и старые листья. Ветер взвихрился, подхватил подол Асиной юбки, сорвал кофту с плеча.

– Ураган! – радостно сообщил Гарик и побежал к деревьям.

– Ой! – Асе очень сильно захотелось домой, захотелось сделать так, как велела мама.

Мимо протащило полиэтиленовый пакет и коробку. К жуткому бумканью из леса добавился хруст. С оханьем и стоном упало дерево.

– Видела, да, видела? – Гарик от восторга подпрыгнул на месте. Ветер швырнул песок ему в лицо. Гарик зажмурился и отвернулся. Ася тоже зажмурилась. На всякий случай.

– Вы чего тут? Ураган же!

Ася открыла глаза. Рядом стоял Вовка из бэ. Знала она этого Вовку. Он был тихий и скучный, никогда не бегал на площадке и не кричал, поэтому с ним никто не дружил.

– Ну и что! – развел руками Гарик, словно хотел обнять ветер. Какой он храбрый!

– Вы бы лучше домой шли, – сказал Вовка.

Скучный. Не то что Гарик. Ася скривилась, но тут ветер решил сбить ее с ног, пришлось очень сильно согнуться. В доме неподалеку что-то стукнуло, послышался звон разбитого стекла. Разом стемнело. Лес загудел, словно это был взлетающий самолет.

– Домой идите! – Вовка не уходил. Стоял. Он очень и очень скучный, это знают все.

– Ну пошли! – согласился Гарик и повернулся к парку спиной.

И Вовка повернулся. Одна Ася осталась стоять. Потому что от страха с места сдвинуться не могла. Понимала, что надо бежать. Очень быстро. Но что-то с ее ногами случилось. Еще и в парке так жутко скрипело и ухало, и ветер хватал за лодыжки, не пуская.

– Чего стоишь? – грубо спросил Гарик.

– Ой, – только и смогла выговорить Ася. Не признаваться же, что ей страшно. Так страшно, что она сейчас заплачет.

Ветер сорвал с козырька пластиковый навес и понес, понес высоко-высоко, а потом с грохотом уронил на асфальт.

– Чего ты? – пятился Гарик. – Домой надо.

– Не могу, – одними губами прошептала Ася и жалобно посмотрела на Гарика. Она была уверена, что он сейчас все сделает. Возьмет ее на руки и понесет. Или просто крепко сожмет ее руку, и страх пройдет. Рядом с Гариком не может быть страшно.

– Ну и стой здесь. А я пошел.

Гарик махнул рукой и побежал. Побежал очень быстро, потому что ему тоже стало страшно. Ася это поняла, как только последний раз увидела спину Гарика между кустов. И сразу заплакала. Не было у нее больше защитника, она осталась одна. И теперь непременно умрет.

– Чего ты плачешь? Пойдем!

Рука у Вовки была холодной. Он взял ее ладонь и крепко сжал. Но это не помогло – потому что Вовка скучный и совсем не храбрый.

– Я не могу, – вырвалась из его руки Ася. – Мне страшно! Ноги не слушаются. И нечего тут стоять! Я умру одна! Без вас всех!

– А чего они у тебя не слушаются? Ты им строго скажи: «А ну пошли!» Я так иногда делаю, когда что-то не получается.

Говорил Вовка спокойно. Скучно. Как говорил обычно. Но его слова уменьшили силу ветра. Даже как будто на минутку светло стало.

– Только строго, – очень серьезно и уже как будто совсем не скучно повторил Вовка.

– Не могу, – всхлипнула Ася. – Не могу!

Снова поднялся ветер, грохнуло отошедшее железо на гараже, и все стало плохо. Чтобы не видеть всего этого, Ася закрыла лицо ладонями.

– Эй, ноги, пошли! Нам домой надо.

Ася открыла глаза. Вовка не улыбался. Он очень серьезно говорил с ее ногами.

– Вы чего хулиганите? Страшно – так оставайтесь здесь, а нам – домой.

– Ой, – заторопилась Ася. – Давай не будем их тут оставлять. Возьмем с собой.

– Тогда ноги – в руки и бежим!

Это было странно, нет, это было удивительно – ноги послушались. Ветер был все такой же резкий, двери домов клацали все так же громко, дождь начал накрапывать, но они бежали. Да еще как! Вовка взял своей холодной рукой Асю за руку и всю дорогу бежал рядом, хотя наверняка мог бежать и быстрее.

Ветер над их головами выл, скрипел ржавыми челюстями, гремел деревянными веками, топал железными ногами, поливал горючими слезами, но Ася этого почти не слышала, потому что Вовка все твердил:

– Давайте, ноги, не отставайте, а то оставим на дороге.

И это было так весело, что Ася начала смеяться. Засмеялся и Вовка. Они смеялись, пока бежали через широкую дорогу с трамвайными путями, вдоль улицы, через перекресток и дальше, дальше, а потом оказались в Асином подъезде. Совсем мокрые и почему-то грязные.

Ася все еще смеялась, а Вовка вдруг стал серьезным, выпустил Асину руку и отступил.

– Ты, давай, домой иди, – буркнул он.

И ушел, весь такой совсем не скучный и храбрый. Такой храбрый, что с ним было на самом деле не страшно.

Ася во все глаза смотрела на уходящего Вовку и не понимала – как такое превращение могло произойти. А ветер выл и плакал, пытаясь рассказать эту большую тайну. Но Ася его пока не понимала.